

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ГРУППЕ СЛОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(на материале Литовского Статута в Московском переводе-редакции XVII в.)

Л. СУДАВИЧЕНЕ

Изучение языка Литовского Статута в Московском переводе-редакции представляет известный интерес для выяснения взаимосвязей и взаимовлияний русского и белорусского языков.

Проблема взаимосвязей русского языка с другими славянскими языками в период становления национальной нормы не является новой, однако в связи с недостаточной изученностью памятников русского языка она до сих пор мало освещена¹. Существенным для концепции национального развития русского языка является исследование всех сторон языка русского перевода-редакции старобелорусского текста Литовского Статута 1588 г., в котором наиболее ярко отражаются специфические черты национального языка, накладываемые на общую для восточнославянских языков древнерусскую основу.

Настоящая статья не представляет собой сколько-нибудь полного или систематического освещения указанной проблемы. Она лишь является одним из опытов изучения лексики двух родственных языков в ее системных связях². В статье прослеживаются лексико-семантические отношения, в которые вступают некоторые слова юридической терминологии.

Так, со значением „наказания“ употребляются в переводе Статута слова и словосочетания *казнить*, *карать*, *смирить*, *наказанье учинить*, *казнь*, *на смерть посадить*. Все они в основном соответствуют слову оригинала *карать* или его производным. Слово *казнь* выступает и с частным значением

¹ См. об этом В. В. Виноградов, Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. V международный съезд славистов. Изд-во АН СССР, М., 1963.

² Методика исследования лексики как системы только начинает вырабатываться. Ценными в этом отношении являются следующие работы: А. А. Уфимцев, Опыт изучения лексики как системы. Изд-во АН СССР, М., 1962, А. И. Кузнецов, Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. Изд-во АН СССР, М., 1963.

„подвергнуть смертной казни“, хотя это частное значение создается не только за счет семантики самого слова, но и за счет уточняющих определений, ср.:

„...опекунъ въ речахъ такихъ
поточныхъ виненъ будетъ
справедливость и отпаву чинити,
бы и на горле виньного карати ...“
(307–308).

„...прикащикъ въ такихъ дѣлехъ
управу чинить повиненъ, хотя
и горломъ карати, сирѣчь
казни смертной доведется...“
(6.6.235).

Рассмотрим каждое слово в отдельности и проследим его распространенность в великорусском языке, в особенности в исследуемый период.

Слово *карать* (карати) – общеславянское, индоевропейского характера. Образовано оно с помощью суффикса *-ати* от *кара*, имеющего общий корень с глаголом *корить*. Слово известно славянским языкам: укр. – *карати*, древнерусск. и старосл. – *карати* „наказывать“, *карати ся* „ссориться“, болг. – *kārām* „гоню, догоняю (о скоте), привожу в движение“, сербск. – *kárati*, *kārām* „бранить“, словенск. – *károti* „порицать“, „упрекать“, „наказывать“, чешск. *kárati*, польск. *karac*³. Преображенский и Фасмер отмечают близость корня *-кар=а* с древнеперс. *kāra* (войско), с лит. *karas* (спор, война), древнепрussk. *karjis* (войско), готск. *harjis* (войско) и др.⁴

В значении „наказывать“ отмечается глагол *карати* в „Материалах“ Срезневского (т. 1, стр. 1196) под 1388 г. Приводится пример из Жалованной грамоты великого князя Александра-Витовта Литовским Евреям и из Отечника сербского письма.

У Кочина (стр. 140) зарегистрировано только существительное *кара* без установления значения и приводится пример из Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л. за 1488 год⁵: „... а на себя взяли тѣ жъ мытники Симха да Рябичка у Гриди у Лукина *кару* шамскую, да хандряк силно, опроче мыта...“. Пример не позволяет точно установить значение слова *кара*. Возможно оно обозначает „низкое деревянное корыто“ или „рыбацкий боток“⁶ и семантически не связано с глаголом *карать*, имеющим в исследуемом памятнике значение „совершить наказание или просто наказать; казнить“.

Если глагол *карать* (ср. польск. *karac*) широко распространен в памятниках Западной Руси, то в памятниках Московской Руси его употребление ограничено. Первый пример в Картотеке ДРС приводится из Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л.: „Да и того человѣка своего, у которого тотъ дѣтина былъ, сыскали есте и тутъ жо хотѣли *карать* пугами ...“ (т. 3, 1570 г., стр. 752); „*карать горломъ*...“ (ДАИ, IV, 1658 г. 138); „... а естли которые учнуть отзываться Запорожскими козаки и пойдуть къ Польскому Королю и тѣхъ имать и *карать горломъ*“ (СГГД, ч. IV, 1659 г., 55); „... matka вышла и по-

³ Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. 1, стр. 295–296.

⁴ Там же.

⁵ Пам. дипл. сн. древней России с державами иностранными, Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л., I (с 1487–1533), стр. 10, РИБ, т. 35, СПб., 1882.

⁶ Такое значение слова *кара* отмечается Фасмером (т. I, стр. 525).

чала его *каратъ* глаголя по что ты Григорія биешь сына моего лѣпшаго“⁷.

Следовательно, глагол *каратъ* в значении „казнить“, „наказывать“ был известен великорусскому языку, о чем свидетельствует фиксация его словарями⁸.

В МПРЛС глагол *каратъ* и особенно словосочетание *горломъ карать*⁹ (или „каратъ горломъ“) довольно широко представлены, нами отмечены 83 случая. Напр.:

„...такий забойца *горломъ каранъ*, маеть быти...“ (395).

„...тогда на томъ вряде, где будетъ постигненъ, маеть быти *каранъ* яко квалтовникъ“ (391).

„...а мы съ паны-радами нашими... винного подле выступу его маемъ *карати*...“ (130).

„...и такова убойцу *горломъ карать*...“ (11.10.307).

„...и гдѣ ево изымають — на томъ уряде *каратъ* его, как убойцу...“ (9.4.303).

„...а мы, государь, съ паны радами нашими... виноватого, смотря по винѣ, *каратъ* будемъ“ (3.14.87).

Глагол *каратъ* имеется в современном русском и белорусском языках (караць). В словарях русского языка данный глагол сопровождается пометой „книжный“ (см. Ушаков, т. I, стр. 1318; БРС, стр. 380).

В синонимичном слове *каратъ* значении употребляется в Московском переводе глагол *казнить* (11 раз). Предпочтение, как видим (83:11), отдается глаголу *каратъ*. Однако стилистически эти глаголы в тексте не дифференцировались. Ср.:

„Тежъ, кому бы дана была вина о голову шляхетскую... маеть быти *каранъ*...“ (136).

„А такую *карностью*, смертью ганебною, маеть *каранъ* быти...“ (394).

„...вышей трехъ человекъ за одну голову шляхетскую *карано* быти не маеть“ (11.39.423).

„...тогда тые слуги врядовые за слушнымъ доводомъ и за присягою своею... отъ *каранья* за то волни быти мають“ (11.35.419—420).

„...и того обвиненого *каратъ*, сирѣчь *казнить*...“ (3.23.92).

„А такую злолютою *казню казнить* тѣхъ...“ (11.7.306).

„...а больши трехъ за одного шляхтича не *казнить*...“ (11.36.328).

„...тогда тѣ урядовые слуги по сыску и по свидѣтельству дворянина и за своею присягою отъ *каранья*, сирѣчь отъ *казни*, вольны бвають“ (11.32.325).

⁷ Римские деяния, в. 1—2, 1688 г., СПб., 1877—1878 (Изд. ОЛДП, V, XXXVI).

⁸ См. САР 1814 г., ч. 3, стр. 70; СЦСРЯ 1847 г., т. 2, стр. 163; Даль, т. 2, стр. 89.

⁹ Наличие этого сочетания в МПРЛС не является исключением. См. примеры выше. Однако следует заметить, что подобного рода сочетаний мы не обнаружили в белорусском и польском языках, где слово *горло* (польск. *gardlo*), кроме известного значения, могло обозначать „жизнь“. Ср. совр. польск. фразеологизмы: *dać gardlo* — „платиться жизнью“, *kaçać na gardle* — „приговаривать к казни“; у Линде (т. 2, стр. 24) — *gardlo braci* — „забить“ и т. п.

Глагол *казнити* в значении „подвергнуть наказанию, казнить смертью“ отмечается в русской письменности с X века (см. Срезн., т. 1, стр. 1174). Имеет он соответствия и в других славянских языках, ср. укр. — *казнити*, церковнослав. — *казнити*, словенск. — *kazniti*, чешское — *kázňiti*, старопольск. — *kaznić*¹⁰.

С усилением аппарата власти в процессе преодоления феодальной раздробленности и создания централизованного государства суровые наказания для уголовников (смертная казнь) становятся все более распространенными. Как указывает И. И. Смирнов¹¹, Судебник 1550 г. „ставит вопрос о „казни“ ведомых лихих людей в общей и абсолютной форме, без ограничений и оговорок“. Весь процесс судопроизводства сводится лишь к установлению того, что преступник — „ведомый лихой человек“. Раз этот факт установлен то это исчерпывает вопрос о виновности преступника, который подлежит безусловному наказанию — смертной казни. Отсюда понятна широкая распространенность глагола *казнить* и семантически близкого с ним существительного *казнь* в последующее время. Так например, широко представлены эти понятия в Судебниках XV—XVI вв., глагол *казнить* отмечается в Словаре-дневнике Ричарда Джемса 1618—1619 гг.¹², встречается он и в Уложении 1649 г., например: „... и боярину того велети *казнити* смертною казньо. “ (Суд. 1497 г., ст. 8); „...и того подьячего *казнити* торговою казньо...“ (1550 г., ст. 5); „Такожде и гостей многих посредь града *казнити* повелѣ...“ (Иное сказание, 1584 г., стб. 247, стр. 6)¹³. „... ино его *казнити* татиною казнию...“ (Суд. 1589 г., стр. 109); „...и того богохульника обличивъ, *казнити*, зжечь“? (Улож., гл. I, ст. 1); „...и такихъ баззаконныхъ женъ... *казнити* смертию безо всякия пощады...“ (гл. XXII, ст. 26).

В значении „подвергать казни, карать“ отмечается слово *казнить* в словаре Даля (т. 2, стр. 75). Сохранилось это слово и в современном русском языке (см. Ушаков, т. 1, стр. 1283).

Терминологизированному значению „подвергать наказанию“ слова *казнить* соответствует значение глагола *смирять*, встретившегося в нашем памятнике только два раза.

Слово это известно славянским языкам: украинское — *смирнити* „смирнить“, белорусское — *смирць* „тишина“, древнерусское — *сѣмъ вѣрити*, *сѣмьирити* „уничтожить, обуздать“, старославянское — *сѣмъ вѣрити*, болгарское — *смирѣа смирѣвамъ* „усмирю, усмиряю“; словенское — *смѣрати се*, *смѣра̑м се* „смиряться“; польское — *śmierzyć* „смирять, укрощать“¹⁴. В значении „уничтожить, обуздать“ глагол *сѣмъ вѣрити* = *сѣмирити* отмечается в русской письменности с XI в. (Срезн., т. 3, стр. 765).

¹⁰ M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, т. 1, стр. 504.

¹¹ И. И. Смирнов, Судебник 1550 г. — „Исторические записки“, т. 24, М., 1915, стр. 288.

¹² Б. А. Ларин, Изд. ЛГУ, 1959 г., стр. 278.

¹³ РИБ, т. XIII, СПб., 1892, Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени, СПб., 1891 г.

¹⁴ Преображенский, т. 2, стр. 336.

В исследуемом памятнике, как уже отмечалось, слово *смирять* встречается в значении „подвергать наказанию“ или на языке перевода „учинить наказанье“, например:

„...будеть вольно... каждому пану подданого своего... подлугъ порозуменья своего *скарать*“ (121).

„...волно будеть каждому пану слугу своего водле выступку его судити съ права *карати*“ (128).

„...вольно боярину подданого своего во всякихъ дѣлехъ, смотря по винѣ *смирять* и *наказанье чинить*...“ (3.3.77–78).

„...вольно всякому пану слугу своего шляхтича судить и съ суда, смотря по винѣ, *карать*, *сирѣчь смирять*“ (3.11.85).

Интересно, что в известном произведении Г. Котошихина (вторая половина XVII в.) глагол *смирять* также встречается в значении „убить“, сравните: „...понеже и сына своего *смири* на оный свѣтъ, прибиша его осномъ и единого митрополита повелѣ задушити подушкою“ („О России...“, стр. 1).

Сопоставляя значения глагола *смирять* в переводе Статута „учинить наказанье“ и в произведении Григория Котошихина „убить“ (не обнаруженных в просмотренных нами словарях¹⁵), можно предполагать, что это индивидуальное употребление слова¹⁶.

Глагол *смирять* сохраняется и в современном русском языке, но в словарях он отмечается пометой „книжный, устарелый“ (см. Ушаков, т. 4, стр. 305)

В синонимичном слову *казнить* значении употребляется и распространенное в языке XVII в. сочетание *наказанье учинить*, например:

„...хто ... на кого што не спра- ведливье велъ а не довелъ, тымъ самъ *каранъ* быти маеть“ (65–66).

„...хто на кого доводиль, а не доведеть, и того самого тѣмъ *карать*, *сирѣчь наказанье учинить*, смотря по винѣ“ (1.2.34).

Слово *чинити* отмечается в русской письменности с XIII в. (см. Срезневский, т. 3, стр. 1336), а сочетание *учинити наказанье* является принадлежностью делового языка XVII века. Так, например, довольно часто встречается оно в Соборном Уложении 1649 года: „... и тѣмъ за ту вину *учинити наказанье*“ (гл. 3, ст. 7); „...и тому бесчиннику за ту его вину *учинити... казнь*“ (гл. 1, ст. 3) и др.

В современном русском языке глагол *учинить* в значении „произвести, сделать“ встречается, в словарях он сопровождается пометой „канцелярский, книжный“, а употребление этого глагола в значении „устроить, сделать“ является принадлежностью разговорного языка (см. Ушаков, т. 4, стр. 1039).

„...такий вязень, на горѣло сказанный быти маеть въ той вежи, которая есть *на головники* описана ...“ (206).

„...тогда такова вязня бещь въ той башни, которая *на головники*, то есть *на казнь*, описана ...“ (4.32.149).

¹⁵ В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля зарегистрирован глагол *смирять* в значении „убить“, но со ссылкой только на Котошихина (см. т. 4, стр. 325).

¹⁶ Л. В. Судавичене, Лексические особенности Московского перевода-редакции Литовского Статута (канд. диссерт.) Вильнюс, 1964, стр. 34–35.

„...отъ... вязня, который бы
на горло седель имать —
дванадцать грошей “ (183).

„...отъ колодника которой
бы на смерть былъ посаженъ... —
5 алтынъ...“ (4.15.130).

Все изложенное позволяет прийти к следующим заключениям.

Глагол *каратъ* в ЛС обладает более емким, обобщенным значением. В переводе же Статута каждое из слов или словосочетаний имеет более специальное значение. Все они составляют синонимический ряд, объединенный значением — „выражением наказания“. Сказанное можно представить в виде такой таблички:

Рассмотренные слова и словосочетания, истоки которых уходят в глубокую древность, принадлежат в основном письменному языку XVII века.

Глагол *смирять* в переводе Статута проявляет себя в новом значении — в значении „казнить“, „убить“, которое встречается в сочинении Г. Котошихина „О России...“.

Слова *кій* и *ослопъ* используются переводчиком Статута для обозначения предметов, с помощью которых осуществляется наказание. Причем слово *ослопъ* вводится в перевод как синоним к *кій* при сохранении последнего или вместо слово *кій*. Ср.:

„А хто бы тежъ кого умыслне,
...киемъ, кестенемъ, булавою,
албо пугами, дубцы... билъ...
за таковой... бой... маеть быти
навезки плачно сорокъ копъ гро-
шей...“ (11.27.410).

„...нижли естли бы его (пса —
Л.С.) забилъ отъ руки киемъ або
якою броню, себе боронечи
таковой за оногo пса ничего пла-
тити не будетъ повиненъ“ (474).

Кроме того, слово *кій* в одном случае сохраняется в тексте перевода без пояснения, например:

„...тотъ, который его у ве-
зенью безъправне держалъ, по-
виненъ будетъ ему... дванадцать
копъ грошей заплатити и при томъ
совито, або во-двое, яко бы его два
кротъ киемъ билъ ...“ (11.28.412).

„А естли бы кто кого нарочно,
киемъ, сирьчь ослопомъ, или
кистенемъ, или шелепугами, или
батоги билъ, или кому битъ
велѣлъ, и за такой бой и безчестье
заплатитъ сорокъ копъ грошей
(11.24.318).

...а будетъ ли рукою, осло-
помъ или какимъ ручнымъ ружь-
емъ ... пса кто убьетъ, себя бороня,
и такой за такую собаку платитъ не
повиненъ“ (13.13.372).

...и тому, хто его въ вязенью
держалъ насильствомъ, — повиненъ
заплатитъ двенатцать рублевъ вдвое,
какъ бы его вдвое киемъ билъ...“
(11.25.320).

Слово *кый* = *кии* отмечается в древнейших памятниках письменности в значении „молот“. Первый пример употребления этого слова приводится Срезневским под 1073 г. из Изборника Святослава.

По происхождению *кйй* – слово общеславянское, известное в славянских языках: древнерусское – *кый, кий*; украинское – *кый*, белорусское – *кйй*, старославянское – *кый* – „молот“; сербское *кијак* – „палка“, „дубина“; чешское – *куј, кујак* – „палка“; польское *kij* – „палка, посох“, *kijek* – „палочка“. Общеславянское *куйь* (корень *ку-*) этимологически связано с глаголом *ковати*; первоначальное значение: „долбня“, „пешня“, „палка с подкованным наконечником“. В русских говорах с этим значением употребляются слова *кий, киюга*. Слово это имеет соответствия в балтийских языках, ср. древнепрусское – *cigis*, литовское – *kújis* „тяжелый ломот“, *kauti* – „бить, рубить“; латышское – *kaut* „бить, ударять, колоть“¹⁷. Но это слово, разумеется, не следует смешивать с „биллиардным кием“, которое является заимствованием из французского языка, ср. „*la queue* – *кю*“ – „Собрание слов французских, российских и немецких“ 80-х годов XVIII в., стр. 118¹⁸.

В терминологических материалах Кочина (стр. 141) зарегистрировано слово *кии, кьи* в значении „боевое оружие“: „И кликнуша они вергъше *кии*“.

Отмечается это слово и в более поздних источниках: „а на невельскую дорогу 3-хъ хорунги да мужиковъ велѣлъ собрать съ *кйями* и Невельскую и Заволоцкую дорогу занять“ (АМГ, III, 1660 г., 201); „А по осмотру они биты: на Трофиме пробита голова и левая щека ободрана, а Василей и Кондратей биты плетьюми и *кйями*“¹⁹. Из словарей отмечается оно Поликарповым („Лекс.“, стр. 315), в Лексиконе 1762 г. – *кйй*; в Сл. АР 1792 г. – *кий*.

В исследуемом памятнике слово *кйй* употребляется в значении „дубина“, „палка“. Поэтому введенное переводчиком соответствие *ослопъ* вполне синонимично по значению слову *кйй*.

Появление слова *ослопъ* в памятниках письменности относится к более позднему времени. Впервые встречается это слово в XIV в. в „Житие св. Стефана, епископа и учителя земли Пермской“: „Оступиша его съ *ослопы*“²⁰. Как предмет, с помощью которого осуществляется наказание, отмечается это слово в Судебниках XV–XVI вв.: „... а доспеху и дубин и *ослопов* стряпчим... у себя не держати“ (Суд. 1497 г., ст. 68); „... а доспеху и дубин и *ослопов* стряпчим у себя не деръжати“ (Суд. 1550 г., ст. 13). В XVII в. употребляется это слово в Соборном Уложении: „А будетъ такой поругатель кого-нибудь зазвавъ или силою заволокши къ себѣ на дворъ, учнетъ бити *ослопомъ* или кнутомъ, или батоги... и такому поругателю учинити жестокое наказание...“ (гл. XXII, ст. II). Зафиксировано слово *ослоп* в Словаре АР 1793 г., Даль (т. 2, стр. 699) употребляет рядом слова *остолопъ* и *ослопъ* в одном и том же значении: „дурак“. Кроме того, второе слово употребляется (особенно в языке XVI–XVII вв.) в значении „дубина“, „палка“. Оба слова могут

¹⁷ См. Litauisches etymologisches Wörterbuch von Ernst Fraenkel, стр. 232; Эндзелин, сл.-балт. этюды, 196; Ваничек, LEW, 61.

¹⁸ Преображенский, т. 1, стр. 306; Vasmer, I, 1, стр. 556.

¹⁹ Булав. восст. 1708 г. (Сказка есаулов Сумского полка о разгроме его булавинцами), стр. 263.

²⁰ Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, стр. 725.

быть возведены к *остълѣнъ* со вторым полногласием (ср. *стѣлѣнъ* = старославянское *стлѣнъ*)²¹. Академик Я. Грот²² считает, что слово *ослопъ* произошло из *остолопъ* посредством сокращения. *Остолопъ* же, по мнению Я. Грота, является русской народной формой слова *столпъ*. Такое объяснение принимают Преображенский (I, 663) и Фасмер (2, 284).

Следует отметить, что переводчик Статута, введя слово *ослопъ* в качестве соответствия к *кйй*, использовал более употребительное слово в русском языке XVII века. В то время как слово *кйй* имело и имеет широкое распространение в польском и белорусском языках²³.

С точки зрения современного русского языка и слово *кйй*, и слово *ослоп* являются устарелыми и областными.

Из производных от слова *кйй* в переводе Статута встречается прилагательное *кйевой*, например:

„...такъ же для битья *кйемъ*...
на дне у вежы седети...“ (11.27.410).

„...такожъ и за бой *кйевой* и
батожной... въ башни на днѣ сидѣтъ
повиненъ будетъ“ (11.24.318).

В просмотренных нами словарях русского языка и в КДРС данное слово не обнаружено. Можно, как нам кажется, полагать, что наличие прилагательного *кйевой* в московском переводе Литовского Статута объясняется влиянием польского языка (в знании которого переводчиком сомневаться не приходится). В польском языке действительно имеется прилагательное *kijowy*, образованное от *kij*: *plagi kijowe*; *rana kijowa* = *od pobicia kijem*²⁴.

Семантически примыкают к рассмотренным лексемам слова *вина*, *пеня*, которые употребляются в МПРЛС в значении „штраф за невыполнение каких-нибудь обязательств, установленных законом“. В ЛС им соответствует только слово *вина*. В одном случае слово *пеня* вводится переводчиком в качестве соответствия к *вина* при сохранении последнего, в остальных — вместо слова *вина*. Кроме того, слово *вина* (имеем в виду только употребление этого слова в значении „штраф“) сохраняется так же, как и в ЛС. Ср.:

„О бранью *винъ* черезъ врьды
нашы...“ (загл. 280).

„О иманью *винъ*, то есть *пень*,
урядамъ нашимъ, въ семъ статуте
и въ записяхъ добровольныхъ, на
уряде описаныхъ“ (4.101.206).

„...за доводомъ стороны пово-
дое на такомъ вжо всказати
маеть з *винами* за нестанье сови-
тыми“ (193).

„...по доводу исцову весь искъ
и *вины* за нестанье вдвое указать
взять“ (4.23.138).

„...первей, нижли въ право
вступить, *вины* нестаньные за
обои прошлые роки заплатити...“
(192).

„...и прежъ суда за нестанье
пени вины повиненъ заплатитъ...“
(4.23.137).

²¹ А. Соболевский, Лингвистические и археологические наблюдения, в. I, Варшава, 1910, стр. 32–33 или РФВ, т. 64, стр. 124.

²² Я. К. Грот, Филологические разыскания 1852–1892 гг. СПб., 1899, стр. 418.

²³ См.: БРС, стр. 389.

²⁴ См.: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, Słownik języka polskiego, т. 2, стр. 333.

„...только маеть *вины* стороне
тры рубли грошей... заплатити...“
(256).

„... и то выконывати подь *виноу*
на насъ господара, до скарбу
нашого... дванадцатма копами гро-
шей“ (504).

„...только *пени* сторонѣ три
рубли денегъ... заплатити...“
(4.75.187).

„... и на тѣхъ та же *пеня* на насъ,
государя, двенатцать копъ“...
(14.33.393).

Оба эти слова в значении „штраф“ отмечаются в памятниках письменности: слово *вина* впервые отмечено в Грамоте к Витебскому князю Михаилу Константиновичу об обидах около 1300 г. (Срезн., т. 1, стр. 258) слово *пеня* — в конце XIV в. (см. Срезн., т. 2, стр. 895).

По происхождению слово *пеня* является древнерусским переоформлением старославянского „пена“ — „штраф“, заимствованного из латинского языка. Латинское *poena* — „наказание“ восходит к греческому *poînē* „казнь“ (Фасмер, т. 2, стр. 335).

У Преображенского (т. 2, стр. 36) находим, что общерусским следует считать глагол *пенять*, *пеня* же слово книжное, хотя существует оно и в народных говорах, например: „всяка *пеня* мимо меня“ (Даль, т. 3, стр. 30).

Зафиксировано это слово и в других источниках: в значении „штраф“, „судебная пошлина“ имеется у Кочина (стр. 232), у Вейсманна (Лекс. 1731, стр. 164): *пеню* платити, у Нордстета (Слов. 1782).

Широко представлено слово *пеня* в памятниках письменности. Так, в Новгородской судной грамоте 1471 г.: „А кто кого утяжеть въ землѣ и судную грамоту возметь, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володеть ему тою землею; а въ томъ *пени* нетъ“ (ст. 12)²⁶; в Судебниках XV—XVI вв.: „...а боярину и диаку в томъ *пени* нет, а исцем суд с головы“ (Суд. 1497, ст. 19); „... и ему убытки платитъ без суда втрое, а в *пене* что государь укажет“ (Суд. 1589, ст. 198); в Соборном Уложении 1649 года: „и на томъ взяти на государя *пеня*, или ему наказание учинити...“ (гл. 3, ст. 8); в произведении Котошихина: „возмутъ *пеню* большую и убытки жениховы...“ (Котошихин, „О России...“, стр. 130).

В современном русском языке слово *пеня* сохранилось в значении „штраф за невыполнение или просрочку выполнения каких-нибудь обязательств, установленных законом“²⁶.

Слово же *вина* в просмотренных памятниках встречается, но только в значении „проступок, преступление“. Но слово *вина* могло выступать и в значении „штраф, судебная пошлина“. Оба значения этого слова зарегистрированы Кочиным (стр. 46).

По происхождению слово *вина* общеславянское, имеющее соответствия в балтийских языках²⁷.

²⁶ Цитируется по книге М. Владимировского-Буданова, „Хрестоматия по истории русского права“, вып. I, изд. 4, Киев, 1899, стр. 188.

²⁶ ССРЛЯ, т. 9, стр. 383.

²⁷ Преображенский, т. 1, стр. 84; М. Vasmer, т. I, стр. 201.

Слово *wina* в значении „*kara pieniężna, grzywna, grzywny*“ известно было в старопольск. языке²⁸. Возможно, что отсюда и проникло это слово в данном значении в русскую письменность, на что указывает Преображенский (т. 1, стр. 84). Отсюда понятна распространенность слова *wina* в Литовском Статуте, что в свою очередь сказалось и на переводе. В значении „денежный штраф, вина, пеня“ засвидетельствовано слово *wina* в словаре Даля (т. 1, стр. 204–205).

Слова *взяенье* и *тюрьма* употребляются в МПРЛС так же, как и в оригинале, для обозначения места заключения. Слово *взяенье* встретилось в исследуемом памятнике 92 раза в формах: *взяеньє, взяенья, взяенью, взяеньемъ*, (въ) *взяенью*; в пяти случаях оно сопровождается пояснением *тюрьма*, в остальных — сохраняется по аналогии с ЛС, ср.:

„...тогда до пороженья маеть быти волна отъ смерти; ведже предъ се маеть быти задержана у *везенью*...“ (11.34.419).

„...маемъ того за нашу вину *везеньемъ* на *замъку* шесть недель карати...“ (73).

„...а заседѣвши за голову шляхетскую годъ и шесть недель на дне въ *туръме*, маеть собе винъного искати“ (396).

„...тогда до роженья, покамѣста родить, не казнить еѣ, держать въ *взяенью*, сирѣчь въ *тюрьмѣ*...“ (11.31.325).

„...и того за вину посадить на *замку* нашемъ въ *взяенье*, въ *башню* на шесть недѣль... (1.9.39).

„...а отседѣвши за голову шляхетскую годъ и шесть недѣль на днѣ въ *тюрьмѣ*, после вольно ему будетъ виноватого искать“ (11.11.308).

Слово *взяенье* отмечается Срезневским (т. 1, стр. 504) в „Истории государства Российского“ Карамзина, у Кочина слово это отсутствует. Поэтому вряд ли можно говорить о его распространенности в памятниках письменности Московского государства. Нет этого слова в Судебниках XV–XVI вв. и в Соборном Уложении. Но в „Лексиконе“ Поликарпова (стр. 135) находим слово *взяень*. В великорусском языке слова этого, очевидно, не было: Даль о нем не знает.

Известно слово *więzienie* в польском языке, в котором оно употреблялось в синонимичном значении слову *turma*²⁹; в украинском — *взяенье* (Тимченко, стр. 497).

Введенное же переводчиком пояснение *тюрьма* (24 раза) является, по мнению Фасмера (т. 3, стр. 164), древнерусским заимствованием из тюркских языков, в которых *turma* — „заключение“ образовано с суффиксом — *та* от *tur* — „класть“³⁰. В памятниках письменности встречается с XI в. (Срезн., т. 3, стр. 1096). Однако большее распространение в памятниках письменности имело слово *темница* (см. Якутск. акты, № 1, 1640 г.). В „Повестях о смутном

²⁸ Karłowicz, ... т. 7, стр. 614.

²⁹ Karłowicz, ... т. 7, стр. 603.

³⁰ Другой точки зрения придерживались Брюкнер, Христиани, Унбегаун, Преображенский. Они считали слово *тюрьма* древним заимствованием из германских языков (ср.-в.-нем. *Turm*), проникшим в русский язык через польское посредство (польск. *turma*). — См. М. Vasmer, т. 3, стр. 164.

времени и есть оба слова, но слово *тюрьма*, по мнению Кутиной³¹, встречается в наименее стилизованных и литературно выдержанных частях текста: „въ *тюрьмѣ* держати“ (Пов., 492); „вкнудити въ *тюрьму*“ (ААЭ, IV, стр. 11, 1646). Но в деловой письменности преимущество на стороне слова *тюрьма*: см. Судебники XV–XVI вв., Соборное Уложение 1649 г. и др. памятники письменности.

В синонимичном значении слову *взяенье* выступает в переводе Статута слово *башня*, напр.:

„...и къ тому у *вежы* седети
рокъ и шесть недель...“ (452).

„...въ *башни*, сирѣчь въ *тюрьмѣ*,
сидѣть годъ и шесть недѣль...“
(12.10.353).

Переводчик Статута, как видим, передал одно из древних значений слова *вежа* — „башня“. В таком значении отмечается это слово впервые в Ипатьевской летописи 1159 г. (Срезн., т. 1, стр. 482). Слово *вежа* известно славянским языкам: укр. — *вежа* „башня“, бел. — *вежа* „башня“, древнерусск. — *вѣжа* „жилая кибитка“, „башня“, слов. — *věža*, древнечешск. — *věž*, *věžě* „башня“, польск. — *wieża* „дом“. Этимологически восходит к праславянскому *věža, *vězia от *vezq* (Фасмер, т. I, стр. 178). Слово это сохранилось и в современных белорусском и украинском языках в значении „башня“. В русском языке как в исследуемый период (в МПРЛС оно отсутствует), так и в последующие века, употребление этого слова было ограничено диалектами: в курских говорах *вежка* — „полевой шалаш“, „сторожка“ (Даль, т. 1, стр. 175); в архангельских говорах *вежа* — „летнее жилище лопаря“ (Подвысоцкий, стр. 27). По мнению Потехни, значение „башня“ является вторичным, оно развивалось из первого — „кибитка“, „передвижное жилище“, т.к. в качестве средства осады и защиты употреблялись кибитки, телеги, нагруженные сеном³². Следовательно, переводчик совершенно правильно передал значение слова *вежа*, введя пояснение *башня*, т.к. последнее часто использовалось в значении *тюрьма*. Слово *башня* (башта) отмечается в памятниках письменности с XVI в., широкое распространение получает это слово в XVII в. Фасмер (т. I, стр. 66) полагает, что слово это проникло в русский язык из польского *baszta* (ср. чешск. — *bašta*). Первоисточником считается итальянский язык *bastia* (см. Бернекер, т. I, стр. 45; Брюкнер, стр. 18).

Анализ фактического материала позволил отметить, что слова и словосочетания юридической терминологии ЛС и МПРЛС находились в определенных лексико-семантических связях. Некоторые из них были известны как русскому, так и белорусскому языкам, но употребление их в русском языке в период создания МПРЛС было ограниченным в силу того, что в языке имелись более распространенные синонимы, обладающие терминологизированным значением. Наличие в языке синонимических пар, а иногда и целых групп,

³¹ Л. Л. Кутина, Лексика исторических повестей о смутном времени Московского государства (канд. диссерт.), Л., 1953.

³² А. А. Потехня, Этимологические заметки, РФВ, № 2, Варшава, 1880, стр. 177.

близких по семантике, приводило к стилистической дифференциации, что и определило дальнейшую судьбу отдельных слов (ср. *карать* — *казнить*, *смирить*, *учинить*; *кий* — *ослоп*; *вина* — *пеня*; *вязенье* — *тюрьма*, *башня* и т.п.).

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko
universitetas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1968 m. rugsėjo mėn.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографич. экспедициею АН, т. 1—4, СПб., 1836.
- АМГ — Акты Московского государства. Изд. АН под ред. Н. А. Попова, т. 1—3, СПб., 1890—1901.
- Бернекер — Erich Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1908—1913.
- БРС — Белорусско-русский словарь, М., 1963.
- Брюкнер — Al. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1927.
- Вейсмани — Э. Вейсмани, *Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при импер. АН печатанию издан.*, СПб., 1731.
- ДАИ — Дополнения к Актам Историческим, собр. и изд. Археогр. ком., т. 1—12, СПб., 1846—1872.
- Даль — Вл. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1—4, М., 1955.
- Карлович (Karłowicz, ...) — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, *Słownik języka polskiego*, т. 1—8, Warszawa, 1900—1935.
- КДРС — Картотека Древнерусского словаря АН СССР, М., Институт русского языка АН СССР.
- Котошихин — О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина, изд., 2, СПб., 1859.
- Кочин — Материалы для терминологического словаря древней России, сост. Г. Е. Кочиным, изд. АН СССР, М.—Л., 1937.
- Линде — *Słownik języka polskiego* M. Samuela Bogumiła Linde, т. 1—6, Lwów, 1854—1860.
- ЛС — И. И. Лаппо, *Литовский Статут в московском переводе-редакции*. Юрьев, 1916.
- Нордстет — И. Нордстет, *Российский с немецким и французским переводами словарь*, ч. 2, СПб., 1782.
- Подвысоцкий — А. Подвысоцкий, *Словарь областного архангельского наречия*, СПб., 1885.
- Поликарпов, „Лекс.“ — Лексикон трехязычный, свречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное, М., 1704.
- Преображенский — А. Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1—2, М.—Л., 1949.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Вновь пересмотренное, исправленное и пополненное издание, ч. 1—4, СПб., 1806—1822.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. Коллегии иностранных дел, ч. 1—5, М., 1813—1894.
- Сл. АР — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный, ч. 1—6, СПб., 1789—1794.
- Срезневский (Срезн.) — И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 1—3, СПб., 1893—1912.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Изд-во АН СССР, т. 1—7, М.—Л., 1948—1965.

- Судебники XV—XVI вв. — Судебники XV—XVI вв., под общей ред. акад. Б. Д. Грекова, изд. АН СССР, М.—Л., 1952.
- СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. инст. АН, т. 1—4, СПб., 1847.
- Уложение 1649 г. — Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Росийском государстве производится, соч. и напечатан. при владении государя и великого кн. Алексея Михайловича, М., 1649.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4, М., 1935—1940.
- Фасмер (Vasmer) — Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, Bd. 1—3, Heidelberg, 1953—1958.
- Fraenkel — Litauisches etymologisches Wörterbuch von Ernst Fraenkel, Lief. 5, Heidelberg, 1955.
- Якут. акты — Якутские акты 1639—1646 гг., Рукопись ЛОИИ.

LEKSINIAI-SEMANTINIAI RYŠIAI JURIDINĖS TERMINOLOGIJOS ŽODŽIŲ GRUPĖSE

(remiantis XVII a. Lietuvos Statuto Maskvos vertimu-redakcija)

L. SUDAVIČIENĖ

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjama dviejų giminingų kalbų (rusų ir baltarusių) leksika kaip sistema. Pažymima, kad tarp juridinės terminologijos žodžių ir žodžių junginių Lietuvos Statute ir Lietuvos Statuto Maskvos vertime-redakcijoje buvo nusistovėję tam tikri leksiniai-semantiniai ryšiai. Kai kurie iš nagrinėjamųjų žodžių egzistavo rusų ir baltarusių kalbose, tačiau jų vartojimas rusų kalboje Lietuvos Statuto vertimo laikotarpiu buvo ribotas, nes Maskvos valstybės kalboje buvo labiau paplitę jų sinonimai, kurie turėjo termino reikšmę. Sinonimų porų, o kartais ir ištisių žodžių grupių, artimų semantine prasme, egzistavimo pasekme yra stilistinė diferenciacija; o tai ir apsprendė atskirų žodžių tolimesnį likimą (plg.: карать-казнить, смирить, учинить; кий-ослоп; вина-пеня; вязенье-тюрьма, башня и т.п.).